Коновалова О. А.

СИМУЛЯТИВИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-76. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тельности сценографии 30-х годов XX столетия. Как видим, здесь назревает вопрос о масштабах и степени соотнесенности театрального искусства с миром, с одной стороны, и человеком – с другой.

Театральное искусство всегда стремится соотнести человека с такими масштабными единицами, как человеческий коллектив, род со всем его прошлым, как строй мироздания, то есть вывести его из круга своего частного «я». Оно поднимает зрителя, заставляет его почувствовать свою масштабность, хотя, и зачастую, лишь ценой приобщения его к обобщенным единицам: истории, мирозданию, к человеческому роду в пространстве и времени. Оно (театральное искусство) как эпос тяготеет к имперсональному, всеобщему, родовому. Это одновременно восхождение к чему-то высшему и стирание индивидуальности.

Декорационное искусство, как правило, мало способно к изолированному существованию, полной жизнью оно живет только в синтезе. Декорация живет в архитектуре сцены и создает особую среду спектакля. Но это означает, что и она сама должна проникнуться единодушием с пространством сцены, быть ее частью и пожертвовать своей свободой во имя целостности спектакля. В свою очередь, слияние с архитектурой сцены оказывается возможным и плодотворным в том случае, когда драматургия обладает мощью и несет в себе идею мира, в таком контексте театральное искусство воплощает идею многообразия, сходящегося к единству. И потому «хорошие» декорации создаются лишь в расчете на драматургию, ибо только в единстве с ней они получат полноту звучания, только в этом случае сценография может глубоко раскрыть образное значение спектакля.

В тоже время сценография не может слепо и беспрекословно подчиняться архитектуре. В лучших своих образцах она всегда стремилась образовывать с ней гораздо более сложное единство, нежели единство простого подчинения, и тяготело к диалогу с ней. В результате этого диалога, постоянного и глубокого соотнесения театрально-декорационного искусства и архитектуры рождался стиль, рождалась особая и более значительная среда.

Список литературы

1. **Михайлова А. А.** Художественный образ как динамическая целостность // Советское искусствознание '76. М.: Советский художник, 1976.
2. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики. М., 1969.

СИМУЛЯТИВИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Коновалова О. А.
Кузбасский государственный технический университет

На рубеже веков открытие так называемой симулятивной реальности, определившей облик всей постмодернистской культуры, поставило перед философией ряд вопросов, связанных с осмыслением ее сущности, истории возникновения, перспектив и последствий ее развития. И если до недавнего времени философия «размышляла о бытии, а в последние два столетия – также (и все больше) о небытии», то «сегодня ей пришлось столкнуться с новым предметом, симулятивным псевдобытием» [Зенкин, с. 40].

Симулятивность культуры постмодерна может быть осмыслена через одно из центральных понятий постмодернистской гуманитарной науки – «симулякр». В предельно общем смысле симулякр – это «образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности» [Маньковская, с. 211]. Он может быть определен как псевдовещь, псевдообраз, превдопроцесс, то есть некий факт псевдореальности, замещающий реальность постреальностью посредством симуляции, которая выдает отсутствие за присутствие, стирает различия между реальным и воображаемым.

Одной из особенностей постмодернистской культуры стало то, что симуляция, имевшая место и в иные культурно-исторические периоды, принципиальным образом изменила саму свою природу. Вместо вещей и предметов (в которых симуляция могла выступать, например, в качестве подделки) основой симулятивной реальности стали процессы, деятельностные и информационные аспекты общественного и индивидуального бытия.

Среди различных процессов и деятельностных сфер в наибольшей степени процессу симулятивизации подверглась коммуникация. Не случайно симулятивная реальность постмодерна определяется некоторыми исследователями как «информационная среда», созданная различными средствами информации и коммуникации. Коммуникация, будучи процессом социокультурного взаимодействия, имеющим своей целью передачу информации посредством определенных знаковых систем, языков и приемов, явилась той областью, в которой знак наделяется первостепенным значением, представляет собой наиболее значимый элемент. Поэтому процесс симулятивизации, ядром которого является отчуждение знака от референтной реальности, в первую очередь затронул именно коммуникативную сферу, именно в ней проявился наиболее ярко и рельефно. Это имело следствием то, что симулятивизированная коммуникация фактически перестала выполнять

свою основную функцию (передачу информации, отражающей реальную действительность) и была включена в процесс создания симулякров, определяющих реальность современной культуры.

В эпоху все большего развития и распространения симулятивной реальности, вплоть до осознания ее как единственной и подлинной реальности, не только изменился статус коммуникации, но и значительно расширилось поле реальной действительности, существующее и функционирующее по принципу коммуникативных моделей и схем. Одним из наиболее ярких примеров симулякров в постмодернистскую эпоху является симулятивный ответ при социологическом опросе.

Социологический опрос ставит своей целью получение информации, прежде всего – о субъективном мире людей, их мнениях. Нередко опросы выявляют лишь то, что респонденты считают нужным или возможным сообщить о себе. Несмотря на это, опросы признаются приемлемыми источниками социологических данных. Проблема заключается не в достоверности информации, предоставляемой социологическими опросами, а в выявлении априори симулятивного характера любого опроса на современном этапе развития культуры.

Социологический опрос больше не имеет своей целью составление и выявление общественного мнения, утрачивает свою первоначальную направленность на выработку того или иного мнения обществом. Вместо этого он только отсылает к симулякру общественного мнения. Это означает, что «никто больше не должен вырабатывать, *производить* свое мнение – нужно, чтобы все *воспроизводили* общественное мнение, в том смысле, что все частные мнения вливаются в этот своеобразный всеобщий эквивалент и проистекают из него вновь (то есть воспроизводят его, при любом к нему отношении, на уровне индивидуального выбора)» [Бодрийяр, с. 139]. Опрос порождает симуляцию в силу самой своей природы. Действительно, каждый социологический вопрос содержит в себе неразрешимость, которая «свойственна любому процессу симуляции» [Там же]. Несмотря на всю сложность и логику социологических процедур, они представляют собой не более чем фикцию, не дающую никакого образа реальной действительности. «Фиктивность» ответов на социологические вопросы при этом обусловливается симулятивным характером этих вопросов.

Ситуация социологического опроса является лишь частным случаем более общей симулятивно-коммуникационной схемы, сложившейся в эпоху постмодерна. Формой всех современных систем, ядром процессов симуляции, как полагает Ж. Бодрийяр, является бинарный код, элементарная коммуникационная модель которого может быть обозначена как «вопрос/ответ». Данная модель представляет собой ни что иное, как форму теста. При этом само понятие теста становится применимым ко всему социальному пространству, трактуется как форма социального контроля через бесконечно дробящиеся ответы.

Во всех сферах социального бытия в эпоху господства симуляции индивиду предлагается на выбор «веер вариантов», создающий ситуацию референдума при отсутствии референции. В рамках данной ситуации каждый знак или сообщение предстает именно как вопрос/ответ. По мнению Бодрийяра, в постмодернистскую эпоху «вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного *тестирования*. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается… им» [Там же, с. 134]. В пространстве симулятивной реальности в соответствии со схемой «вопрос/ответ» функционируют практически все объекты и процессы. Они становятся своего рода тестами, активируют механизмы ответа по определенным стереотипам или аналитическим моделям. В качестве теста, вне связи с реальностью, могут выступать отдельные функциональные вещи или сообщения средств массовой информации, которые представляют собой результаты отбора и монтажа. В соответствии с тестовой моделью функционируют и политические и социальные институты. Сегодня практически во всех сферах культуры постмодерна – от искусства до политики - наблюдается ситуация перманентного тестирования, а именно симуляции в соответствии с определенной коммуникационной моделью.

Процесс симулятивизации в социально-экономической сфере привел, в частности, к тому, что симулятивный характер приобрели такие феномены, как труд, рабочая сила, производство, капитал, общественное мнение. Превратившись в знаки, симулякры, они лишились реального содержания, с которым были связаны ранее, оказались ограниченными воспроизводством самих себя. Нечто подобное наблюдается в сфере научного знания. В эпоху постмодерна «все чаще встречается симулирование как научный метод, наука становится все более фиктивной. Теории сегодня не открывают, их выдумывают и конструируют… Момент фикции, выдумывания новых моделей и воображаемое внедрение их в сообществе научных исследователей играют все более важную роль» [Козловский, с. 89].

Симулятивный характер искусства в эпоху постмодерна выразился, в частности, в том, что созданные в процессе некой игры художественно-эстетические «объекты» являются, по сути, не классическими образами, а симулякрами: создают не специфическое отражение реального мира, а собственную реальность, сосредоточиваясь на процессе создания симулятивной реальности. В центре постмодернистского искусства оказывается процесс создания произведения, а не само произведение. При этом искусство уже не подражает жизни, а само этой жизнью является, то есть симулирует ее.

Симулятивность представляет собой не только репрезентативное качество постмодерна, но и имманентно присущую ему, сущностную характеристику. Именно симулятивность определяет постмодернистскую реальность, а, точнее, гиперреальность, как таковую. Постмодерн – это не только определенная историческая реальность, но «эпоха создания гиперреальности», делающая любой «образ, изображение, знак, идею более наглядной, осязаемой и реальной, чем то, что в них обозначается или отображается» [Эпштейн, 1996,

с. 178]. Это новое состояние культуры, основополагающей и смыслообразующей особенностью которой является универсальное создание и распространение симулякров.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
Зенкин С. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
Козловский П. Современность постмодерна // Вопросы философии. 1995. № 10.
Маньковская Н. Б. Симулакр // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2.
Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СССР. 1940-1980 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

Королева Л. А., Королев А. А., Соломадина Н. А.
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Стабильность отношений с мусульманским миром всегда была актуальная для СССР, для России же вдвойне, поскольку «может стать одним из существенных факторов поддержания ее авторитета и независимого от Запада политического курса. В свою очередь, мусульманские государства заинтересованы в существовании сильной России, способной хоть как-то ограничивать военно-политическое господство Запада» [Малашенко, с. 10]. Со стороны идеологов и политиков Запада «исламский фактор» как в мировом масштабе, так и в рамках СССР, также всегда был объектом пристального внимания. Зарубежные политики и специалисты, как правило, расценивали процесс атеизации народов Средней Азии, Татарии, Башкирии, других советских республик как насильственный, сопровождавшийся массовыми гонениями на служителей мусульманского культа, закрытием мечетей и т.д. (Б. Льюис, Дж. Уилер, Р. Пайпс и т.д.). Данная мысль активно пропагандировалась в средствах массовой информации, с трибун различного рода форумов и т.д. (VI Всемирная мусульманская конференция - 1964 г., Могадишо; Международная конференция исламской молодежи - 1973 г., Триполь и т.д.).

В капиталистических странах функционировало множество исследовательских центров по изучению состояния религии, в том числе ислама, в СССР. Радиостанция «Свобода» («Азатлык») татаро-башкирской службы «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» в Мюнхене осуществляло радиовещание именно для российских татар на татарском языке с 1949 г. «Радио Освобождения» («Радио Свобода») было создано в 1953 г. для вещания на СССР. До 1971 г. работу обеих радиостанций курировало ЦРУ. В 1975 г. их объединили в одну некоммерческую организацию, поддерживаемую Конгрессом США. В 1988 г. в СССР было прекращено глушение «Радио Свобода», и позже в г. Казани было открыто представительство «Радио Свобода».

В практике контроля деятельности советских мусульманских организаций со стороны властей ограничение или сведение к нулю их международной активности играло серьезную роль. По объективному замечанию А. Бенигсена, «попытка вдвойне изолировать мусульман СССР: от их единоверцев за рубежом и национального прошлого – представляется наиболее оригинальной стороной советской стратегии» [Бенигсен, с. 22]. После Великой Отечественной войны в данном направлении произошли некоторые послабления, в частности было восстановлено паломничество в Мекку, но регламентация всех возможных и даже потенциальных контактов была более чем жесткой. Общение советских мусульман с внешним исламским миром сводилось исключительно к «узкому коридору» Духовных управлений мусульман СССР. В свою очередь, «иностранные гости» также отбирались, главным образом, из числа сочувствовавших социалистическому режиму и, как следствие, они не всегда были способны к реальному отражению советской действительности. В 1962 г. при Совете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР был создан Отдел международных связей мусульманских организаций СССР для «активизации их внешней деятельности в интересах советского государства» [ГАПО], в связи с чем мусульманским объединениям и мечетям рекомендовалось отчислять денежные средства для финансирования Отдела. Аналогичные отделы внешних связей были созданы при каждом из четырех Духовных управлений мусульман. К середине 1980-х Отдел международных связей мусульманских организаций СССР поддерживал связи с более чем 86 странами мира.

Мусульманские организации СССР активно поддерживали внутреннюю и внешнюю политику КПСС и советского государства, активно участвовали в движении сторонников мира, что являлось своего рода «компенсацией» за лояльность со стороны властей. После войны зарубежные делегации начали часто посещать СССР, и Татарская АССР, в частности, г. Казань, стали своего рода демонстрационной площадкой, доказывавшей, что советская власть предоставляет своим гражданам равные права, вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Так, в 1977 г. на встрече телесъемочной группы Московского бюро телевидения ГДР с духовенством и исполкомом Казанской мечети, отвечая на вопросы редактора Д. Шумана, мулла Т. С. Тазеев заявил, что советским «законодательством представлены полные права на исполнение веры, двери мечети открыты для каждого желающего придти для моления, чтения Корана; право на вероис-